

управления¹⁷⁵. Неясен и состав того совета, который, вероятно, и решал все важнейшие дела.

Одно из основных доказательств реального самовластия зилотов в городе видят в том, что после признания императором Кантакузина город отказался ему подчиняться, как и оказавшемуся в его руках законному императору. Поэтому в самой идее подчинения императорской власти иногда готовы усматривать лишь временную политическую маскировку зилотов с целью облегчить свою борьбу за независимость, автономию города. Действительно, зилоты не признали вождя феодальной аристократии даже когда он стал императором, и город фактически был независим. Но они не изгнали официального правителя города и даже не урезали сколько-нибудь существенно его полномочий, как бы демонстрируя принципиальную приверженность администрации законного императора. Их фактическая независимость, по справедливому замечанию М. Я. Сюзюмова, частично могла быть и простым следствием обстоятельств гражданской войны, слабости центральной власти, не способной в полной мере осуществить реальное руководство на местах. Зилоты были вынуждены принимать более активное участие в управлении, но ничто не говорит об их сознательном стремлении к независимости. Может быть, поэтому Григора назвал их форму правления «странной охлократией (*ὀχλοκρατία ξένη τις* ибо они не уничтожили старой и не создали новой организации управления (курсив наш.— Г. К., Р. В.), ни аристократической, ни демократической»¹⁷⁶. Вероятно, их реальная власть и выражалась преимущественно в политическом влиянии и давлении с помощью народных масс на государственную администрацию.

Все это свидетельствует больше об оборонительном, а не наступательном характере деятельности зилотов. По мнению М. Я. Сюзюмова, «никаких реформ или широких мероприятий в пользу широких масс ни правительство Апокавка в Константинополе, ни зилоты в Фессалонике не проводили»¹⁷⁷.

Но следует учесть и то, что правительство и зилоты несколько ограничили власть и силу крупных феодалов в городе¹⁷⁸.

По-видимому, на ходе движения сказалось то, что его возглавили не ремесленные, а торговые круги, которые стремились обеспечить условия для внутренней и внешней торговли, защитить свои интересы от наступления крупных феодалов и смыкавшейся с ними служилой знати. Но эта торговая верхушка была слишком оторвана от беднейших ремесленных слоев, чтобы вести борьбу за городское самоуправление. Своими торговыми интересами эти круги были больше связаны с центральной властью, как посредником между ними и феодалами.

Поэтому радикализм зилотов нам представляется весьма относительным. Монопольная роль корпорации моряков в движении зилотов — явный показатель слабости ремесленного населения города, его бедности, разрозненности, раздробленности. Поэтому ремесленники Фессалоники не могли ни оказать организованной поддержки зилотам, ни осуществить на них действенного давления. Все это вполне понятно в условиях упадка ремесленного производства и постепенной пауперизации ремесленников и мелких торговцев, постепенно деклассировавшихся.

¹⁷⁵ Э. Вернер. Народная ересь или движение за социально-политические реформы?, стр. 168.

¹⁷⁶ N i c. G r e g., II, p. 796.

¹⁷⁷ М. Я. Сюзюмов. Противоречия между плебейскими массами и зилотами, стр. 37; его же. Социальная сущность..., стр. 91.

¹⁷⁸ М. Я. Сюзюмов. Противоречия между плебейскими массами и зилотами, стр. 37.